

ШЕСТОЙ «ОКЕАН» И ПЕРВЫЙ «РИЧАРД»

На днях москвичи увидят шестой «Океан». В этом году пьесу А. Штейна показали в столице театры Ленинграда, Саратова, Куйбышева. К тому же «Океан» идет в двух наших коллективах — имени Маяковского и ЦТСА. А теперь его привезли очередные гастролеры — оренбуржцы.

Шесть «Океанов»... Не много ли? Даже самый завятый театрал вряд ли захочет смотреть одну и ту же пьесу в пятый или шестой раз.

И дело здесь не только в неправильном планировании гастрольного репертуара. Беда в том, что театральные афиши во многих городах страны поразительно похожи одна на другую. Вот факты. Пьеса А. Парниса «Остров Афродиты» идет сейчас в 171 театре, отнюдь не блещущие большими достоинствами «Девушка с веснушками» А. Успенского — в 123, «Миллион за улыбку» А. Софронова — в 142, а «Потерянный сын» А. Арбузова — в 118. Такое однообразие не миновало и столицу. Например, «Игра без правил» Шейнина идет сразу в трех московских театрах.

Уже давно и в печати, и на различных совещаниях ведется разговор о поисках «своей» пьесы, о том, что театр не может ограничиваться постановкой спектаклей, названия которых фигурируют на афишах соседей.

Но что такое «своя» пьеса? Многие представляют ее только как произведение местного автора, созданное в содружестве с театром. Бесспорно, подобное содружество может дать — и дает —

неплохие результаты. Иной раз пьеса, рожденная в областном театре, перестает быть «местной» и становится «всесоюзной». Вспомним, например, большой успех «Свадьбы с приданым» Дьяконова или произведения новосибирца В. Лаврентьева.

Однако так бывает далеко не всегда. Куйбышевский театр, завершающий гастроль в столице, показал москвичам две «свои» пьесы — «Рядом — человек» Вл. Молько и «Дачный тупик» И. Тумановской, О. Тарасова. Увы, эти спектакли не принесли большой радости зрителям.

Чувствуется, что над «Драматическим рассказом в 3-х частях», как названо в афише произведение Вл. Молько, театр работал много и упорно. Там, где позволила драматургическая основа, актеры добились беспорочного успеха. Сильные и нешаблонные характеры создали Н. Кузьмин (Хватов) и К. Десяткин (Докучкин). Но, увы, этими двумя персонажами, пожалуй, и исчерпывается список удач спектакля. Дело в том, что рассказ, даже названный «драматическим», — это еще не пьеса. Рыхласть сюжета, надуманный, построенный лишь на недоразумении основной любовный конфликт, слишком традиционная и схематичная обрисовка большинства действующих лиц — все это лишило театр возможности создать значительный спектакль. Не стал большой победой театра и «Дачный тупик».

На этом можно было бы закончить невеселый разговор о «своей» пьесе в Куйбышевском театре имени Горького, если бы... Если бы мы не увидели «Ричарда III» Шекспира.

Позвольте, удивится читатель, при чем же тут Шекспир? Уж кого-кого, а гениально британца никак не назовешь «местным» драматургом!

Верно. Но вспомним, что «Ричард III» уже более сорока лет не шел на московской сцене, что сейчас Куйбышевский театр — единственный в стране, имеющий в репертуаре эту трагедию Шекспира. И те москвичи, кото-

рые посмотрели «Ричарда», присоединятся к нашему мнению, что он стал для куйбышевцев действительно «своей» пьесой, ибо поставлен свежо, талантливо и сыгран с огромным увлечением.

В спектакле «Рядом человек» артист Н. Засухин играл роль мастера Сергея Тначева. Это был, как говорят в таких случаях, «голубой герой» — без сучка, без задоринки и, увы, без живого, достоверного характера. Он произносил правильные слова, совершал благородные поступки, а зритель... Зритель оставался холодным.

И вот Засухин — Ричард... Уже при первом его появлении на сцене властно приковывает взгляды эта уродливая, кособокая фигура, энергичное, дышащее какой-то дикой силой лицо и выразительные глаза, в которых поочередно вспыхивают то бешенство, то злорадная усмешка... Превосходно проводит Засухин труднейшую сцену с королевой Анной — этот, несомненно, самый прекрасный, но и самый трудный эпизод трагедии. Не так-то легко заставить зрителя поверить, что женщина мгновенно полюбила урода, который к тому же убил ее мужа. Но Ричард — Засухин произносит свой монолог с такой мочуей, словно гипнотической силой, что ему нельзя, невозможно противиться...

А дальше постепенно, от сцены к сцене вырастает фигура огромной воли, ума и темперамента. Но это злой ум, злая воля. Правда, лев превосходно прячет свои когти. Н. Засухин блестяще демонстрирует актерское искусство Ричарда, его умение мгновенно надевать на себя самые разнообразные личины — доброго простака, бескорыстного борца за справедливость, смиренного и набожного христианина... Все силы, весь недюжинный талант и ум этого человека направлены к одной цели — захватить власть, воцариться над миром. Засухин глубоко и верно раскрывает главную мысль великого гуманиста Шекспира: са-

мая сильная личность, самое блестящее дарование обречены на гибель, если они идут против добра и справедливости. Злой тиран, как бы ни был он лично умен и храбр, рано или поздно неизбежно потерпит поражение.

«Ричард III» — это в значительной мере монолог. Успех спектакля зависит в основном от исполнителя заглавной роли. Но нельзя не отметить вдумчивую и взыскательную работу постановщика П. Монастырского, лаконичные и выразительные декорации художника П. Белова, а также исполнителей целого ряда эпизодических ролей, и в особенности А. Прокофьева (первый убийца), В. Красеву (королева Маргарита), С. Пономарева (король Эдуард).

..Итак, какая пьеса действительно «своя» для Куйбышевского театра: «Рядом — человек» или «Ричард III»? На этот вопрос недвусмысленно отвечают зрители — вежливыми хлопками после первого спектакля и бурными овациями, нескончаемыми вызовами после второго.

Мы, конечно, за то, чтобы театры еще активнее работали с местными начинающими драматургами. Вместе с их пьесами на сцену приходит главное — современность. Но пусть при этом не снижается мера высокой требовательности в искусстве. Стоит ли ставить заведомо слабое, беспомощное произведение только потому, что оно «местное», «свое»? Спектакль «Ричард III» показал, что большим событием, праздником, выходящим далеко за местные рамки, может стать и постановка несправедливо забытой классической пьесы. И не только классической. Разве у таких советских драматургов, как Киришон, Микитенко, Афиногенов, Булгаков, нет произведений, сохранивших сегодня современное звучание? И разве не заманчиво дать им вторую сценическую жизнь?

Куйбышевский театр ведет настойчивые поиски «своей» пьесы, своего оригинального репертуара. Пожелаем же ему успеха!

Б. ЕВСЕЕВ.